

ДМИТРИЙ
КОРОВНИКОВ

7

Рекрут
с Зетли

ЛЕГАТ

Дмитрий Коровников

Легат - 1

«Автор»

2026

Коровников Д. Н.

Легат - 1 / Д. Н. Коровников — «Автор», 2026

Кри-у выжигают миры уже шестьдесят тысяч лет и называют это не войной, а жатвой. Человечество для них даже не противник, так, вредители на окраинах галактики. Могущественная Альтарийская Республика могла бы вмешаться, но вежливо молчит — древние законы, тонкая дипломатия, ничего личного. А маленькая голубая планета тем временем догорает. Лёха Кривчиков — заика-дезинсектор с осколком в голове, ушедшей женой и стареньким фургоном. Он должен был сгинуть в первый же день вторжения, как миллионы других. Но некоторые «вредители» на редкость живучи. А выжившие иногда попадают туда, где из них куют легенды. Так что откладывай распылитель, бери оружие — и вперёд: от подвала хлебокомбината до штандарта Легата галактических легионов.

© Коровников Д. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Дмитрий Коровников

Легат - 1

Глава 1

Сектор «Далматика». Лимес

Лия Марцелл практически летела по главному коридору центрального командного поста. За её спиной, не отставая ни на шаг, плотным строем двигались пятеро офицеров; правое плечо клина держал центурион Норбан, и от его шагов чуть подрагивала палуба.

Офицеры и солдаты расступались перед ними, как вода перед килем корабля. Никто не знал, куда и зачем так стремительно идёт трибун в полном боевом облачении. Но каждый потом долго будет повторять одно и то же: воздух в коридоре изменился. Стал наэлектризованнее. Как перед грозой, которую ещё не слышно, но уже нельзя игнорировать.

Альтарийцы вообще умели менять вокруг себя атмосферу. Десять тысяч лет назад они вышли с одной-единственной планеты, и уже первых трёх веков им хватило, чтобы перекроить под себя половину галактики. Не числом и не яростью — а тем, что везде, куда приходили, оставляли порядок там, где прежде был хаос. Они называли это Законами Республики. Остальные миры называли это по-разному, но всё реже вслух.

За спиной отряда, отчаянно стараясь не отстать, семенил префект лагеря — лысоватый, худой, с лицом альтарийца, который всю карьеру старательно избегал неприятностей и вот наконец встретил самую большую из них.

— Трибун. Трибун, прошу вас. Юлия. Госпожа Марцелл, — он перебирал обращения, как ключи на связке, надеясь, что хоть один да подойдёт к замку. — Остановитесь. На одну минуту, умоляю.

Лия не остановилась, но чуть сбавила шаг — ровно настолько, чтобы он мог говорить, и ни на волосок больше, чтобы он не вообразил, будто что-то этим выиграл.

— У меня нет времени, префект. Сорок минут назад с окраины сектора пришёл последний пакет данных. С тех пор оттуда не приходит ничего, кроме стонов страха и боли. Именно поэтому я и тороплюсь.

— Вы понимаете, что делаете? — Он понизил голос до шёпота, чтобы не слышали остальные. — Уводя корабли к той планете, вы не просто рискуете вверенными вам крейсерами и экипажами. Вы нарушаете закон Тишины.

Двое младших офицеров в колонне переглянулись — впервые услышав вслух то, о чём догадывались последние полчаса. Лия даже не сбилась с шага.

— Я знаю о законе Тишины не хуже вас, префект. Потому, как сдавала по нему экзамен — и сдала лучше всех на курсе. Так что я совершенно точно знаю, что именно нарушаю. И почему.

— Тогда вы знаете и цену. Это не выговор и даже не разжалование. Это трибунал. Ваше имя сотрут из списков легиона — а у нас это хуже казни, потому что казнённых хотя бы помнят. — задыхаясь, префект глотнул воздуха, но не отстал. — И это если вы вернётесь. Что под большим сомнением. Планета обречена. Кри-у наметили её себе в жертву, а когда эта галактическая саранча вцепляется в неё своими жвалами, никто и ничто не может им помешать. Вы приведёте корабли и только добавите к мёртвым варварам несколько десятков тысяч мёртвых альтарийцев. Это арифметика, трибун. Простая и беспощадная.

— Арифметика — для тех, кто уже согласился проиграть, — отозвалась девушка, и в голосе её не было ни злости, ни спора: только спокойная, чуть страшноватая уверенность. — А я проигрывать не собираюсь.

Коридор кончился, и стены разошлись в стороны.

Они вышли на панорамный балкон, и даже префект, видевший это тысячу раз, осёкся на полуслове. Сфера ошеломляла всегда и всех.

Походный лагерь 8-го легиона «Феррата» не был ни крепостью, ни станцией. Это был целый мир, вывернутый наизнанку и закованный в броню. Гигантская полая сфера, такая огромная, что противоположная её сторона терялась в синеватой дымке, и всё это исполинское внутреннее пространство было живым от кораблей.

Их были тысячи. Они висели в пустоте ярусами, будто поставленные друг над другом. Боевые крейсера, километровые клинки из серебристого металла, щетинились орудийными башнями. Вокруг них в бесконечном терпеливом танце скользили эскортные фрегаты, снабженцы, ремонтные баржи и рои истребителей, с этой высоты похожие на мошкору над спящими зверями.

Но по-настоящему захватывало дух даже не от размера. А от порядка. Весь этот исполинский рой двигался в едином, невидимом ритме — ни одного лишнего манёвра, ни одного касания, будто громада была не флотом, а единым организмом, думающим одной огромной головой. В самом центре сооружения горело искусственное солнце реактора, питавшее лагерь светом и силой. Над нам, паря в невесомости, висел центральный командный пост. Сердце легиона с балкона которого и смотрели сейчас на всё это великолепие трибун и префект.

— Каждый раз, когда я это вижу, — тихо сказала Лия, — понимаю, что мы можем почти всё. А потом — что почти ничего из этого не делаем.

Префект не нашёлся с ответом. И тогда он сделал последнюю попытку — ту, которую следовало сделать первой, будь он чуть честнее с самим собой.

— Зачем? — тихо спросил он, разведя руками в стороны. — Это же обычная раса третьего разряда. Варвары. Их на окраинах галактики бессчётное множество. Ойкумена теряет такие каждую неделю и все мы даже завтрак из-за этого не прерываем. Почему именно она?

Лия ответила не сразу. Она смотрела вниз, на космофлот, и белая коса лежала у неё на броне между лопаток, как натянутая тетива.

— Три года я слушала их эфир. Не спрашивайте — зачем... Тайком, по ночам — вместо того самого сна, о котором вы так печётесь. Сначала всё было как обычно. Действительно раса третьего разряда, стратегического интереса не представляет. А потом... — Она замолчала, видимо, решив, что зря теряет время. — У них есть песня про лето, которое никогда не кончится. Её поют люди, которые точно знают: лето кончится. Кончится вообще всё, и они сами — в первую очередь. И всё равно поют. Понимаете?

— Нет, — честно признался префект.

— В них есть то, что когда-то было и у нас. И то, что мы потеряли, пока строили вот всё это. — Лия коротко кивнула на бесконечный флот под ними, на всю эту безупречную, идеально послушную машину.

Затем, она резко отвернулась от панорамы, демонстрируя тем самым, что разговор окончен, и посмотрела на центуриона, который всё это время стоял в полушаге от неё, молчаливый и неподвижный, как часть корабельной брони.

Стоявший перед ней офицер был альтарийцем той породы, которую эволюция, похоже, задумывала как окончательный аргумент в любом споре. Огромный, с плечами, на которых впору было накрывать стол, с носом, перебитым столько раз, что тот давно махнул рукой на свою исходную форму. Он умел молчать так, что молчание его стоило иного приказа.

— Центурион Норбан.

— Трибун, — голос у него шёл откуда-то из глубины.

— Готовьте все боеспособные корабли лагеря к боевому выходу.

Норбан не спросил «зачем». И тем более, не спросил «вы уверены». Он лишь посмотрел на неё, и в углу его разбитого лица дрогнуло нечто, подозрительно похожее на радость.

— Слушаюсь, — сказал он и поднёс к губам коммуникатор. И где-то там, внизу, в тысяче рубок разом вспыхнул сигнал боевой тревоги.

Только сейчас префект и понял, что всё это происходит по-настоящему.

— Все?! — Он рванулся вперёд, забыв разом про одышку и достоинство. — Вы сказали — все? Но, нельзя оставлять лагерь без защиты! Это прямое нарушение устава — я не помню номер статьи, но она есть, их много, и все они против! Кто будет охранять сферу, если вы заберёте все крейсера? Я? С табельным оружием? — В отчаянии, префект воздел руки к небу. — Что я скажу командиру легиона, когда он вернётся?!

Но, Лия уже шагала к лифтовым капсулам, встроенным в стену балкона. На последний вопрос она обернулась — и впервые за весь разговор улыбнулась по-настоящему: широко, дерзко, той самой улыбкой, из-за которой солдаты шли за ней туда, куда по уставу ходить не полагалось.

— Передайте отцу, что впервые за два года подразделения его легиона вступили в настоящую схватку.

Префект тяжело вздохнул и опустил руки.

— Он не сможет вас прикрыть, — выговорил он наконец. — Даже он. Вы же это понимаете?

— Я и не прошу. — Девушка уже шагнула в капсулу, обращаясь к своим офицерам. — По кораблям! Прыжок через час. У нас мало времени.

Прозрачные створки распахнулись, проглотив шестерых и беззвучно унесли их вниз, в ангары, где ждали офицерские челноки. Спустя несколько секунд челноки веером брызнули от центрального поста — каждый по своей траектории, к своему флагману, расчерчивая внутреннее небо сферы белыми нитями инверсии.

А сфера уже просыпалась.

Волна пробуждения покатила от центра к краям: один за другим вспыхивали ходовые огни, разгорались дюзы двигателей, медленно и грозно поворачивались орудийные башни. Серебристые корпуса отходили от пирсов так плавно, что казалось — это не машины, а хищники, поднявшиеся от долгого сна. Флот маневрировал, складываясь в боевой ордер, и вокруг не было ни суеты, ни хаоса. Только воля командующего, обретающая форму.

Префект остался стоять у панорамы. Он достал платок, вытер от испарины лоб, потом затылок, потом, поскольку лучше не стало, ещё раз лоб.

— Что же ты наделала, Лия Марцелл, — пробормотал он в пустоту, глядя, как тысячи огней разворачиваются в сторону лагерных ворот. — Что же ты наделала...

Глава 2

7 июля. Планета Земля.

Миру предстояло закончиться утром во вторник.

Для начала, вторник один из худших дней для конца света, так как к нему никто не готовится. Приличнее было бы назначить апокалипсис на полночь, на грозу, на колокольный звон — на что-нибудь с уважением к жанру. Вместо этого он начался в четверть четвёртого утра по Москве, между прогнозом погоды на завтра, вернее, на уже на сегодня и первой чашкой кофе, и поначалу его заметили только астрономы — те немногие, кому по долгу службы положено смотреть в небо, пока остальные спят и правильно делают.

Первым оказался дежурный оператор орбитальной станции слежения — история не сохранила его имени, и, пожалуй, к лучшему. Он увидел на экране то, чего там быть не могло, и поступил так, как человечество испокон веку поступает с техникой, приносящей дурные вести: постучал по монитору пальцем. Видимо, очень надеясь, что прибор сломался.

Приборы работали прекрасно и показывали, что там, где секунду назад было пустое небо, один за другим проступают объекты. Сначала несколько. Потом несколько десятков. Каждый — размером от пятнадцати до двадцати километров в диаметре.

Оператор досчитал до сорока трёх, перестал считать и потянулся к красной кнопке, которую за все годы службы не трогал даже на учениях. Испугаться он ещё не успел: испуг требует понимания, а понимания в ту ночь не было ни у кого.

«ТАСС», молния, 03:47 мск.

«Обсерватории ряда стран фиксируют гравитационные аномалии в верхних слоях атмосферы. Официальных комментариев пока нет».

На языке информантов «официальных комментариев пока нет» означает ровно одно: комментарии есть, но такие, что их страшно ставить в эфир.

К четырём утра надежда на неисправность оборудования скончалась во всех часовых поясах разом. Это была не ошибка калибровки, не метеозонды и не чей-то секретный проект с бюджетом небольшого государства. Объекты висели на орбите — над всеми сразу, никого не выделяя. Эту беспристрастность мир поначалу принял за передышку.

Канал «Держава-24», прямой эфир, 04:10 мск.

Ведущий читал сводку той ровной, обкатанной интонацией, какой обычно сообщают о переносе футбольного матча:

— По данным агентства «ТАСС», на околоземной орбите зафиксированы неопознанные объекты. Специалисты просят граждан сохранять спокойствие и не поддаваться панике.

Просьба не поддаваться панике — древнейший из государственных ритуалов. Она ещё ни разу никого не успокоила, но это единственный известный способ власти сказать «мы тоже не понимаем, что происходит», не произнося этих слов вслух.

Картинку миру тем временем давали совсем другие люди. Независимые астрономы сделали первые снимки, и снимки обошли планету быстрее сводок. На большинстве не было видно ничего: предзвездное небо в мелкую сеть помех. Именно эти пустые кадры пугали сильнее всего — смотреть на них было не на что, а оторваться было невозможно. Люди вглядывались в серую рябь, будто ждали, что она шевельнётся.

Около семи утра она шевельнулась.

Так как объекты пошли вниз.

Они опускались медленно — без гула, без спешки, без единого признака того, что им вообще есть до нас дело, и замирали. Каждый над крупным городом. Один над Москвой. Один над Манхэттеном. Над лондонским Сити, над Пекином, над Дели, над бухтой Рио. Списки

никто не публиковал, но кто-то явно составил их заранее и очень тщательно: ни один мегаполис не остался обделён. Каждому досталось по чёрному солнцу.

А когда корабли опустились достаточно низко, чтобы их разглядеть, выяснилось самое скверное.

Человечество репетировало этот момент лет сто. Кинематограф приучил нас, что пришельцы прилетают на серебристых тарелках с аккуратными огоньками по борту. Мы были морально готовы к подобной технике. Даже к очень необычной.

Но это техникой не выглядело.

Двадцатикилометровый корабль был живым на вид. Чёрно-коричневый, с маслянистым отливом, как надкрылья исполинского насекомого, он не парил, а казалось, вцеплялся в воздух множеством суставчатых отростков, поджатых под брюхо, как лапы спящего паука. Ни огня. Ни опознавательных знаков. Ни единого шва обшивки — сплошной тёмный панцирь, будто эту штуку не построили на верфи, а вырастили.

«РИА-Столица», 07:15 мск.

«Над центром Москвы завис неопознанный объект. Движение в пределах Садового кольца парализовано. Просьба к гражданам оставаться в помещениях».

В помещениях. Двадцать километром чёрного панциря чужого панциря примерно на такой же высоте — а нас просят оставаться дома, как в гололёд. Государство до последнего цепляется за инструкции, написанные для дождя.

«Держава-24», прямое включение, 07:40 мск.

В кадре — молодой корреспондент Глеб Осадчий, смотровая площадка Воробьёвых гор. Ветер треплет волосы. За спиной — то, из-за чего он, вероятно, поседит к тридцати.

— Мы... э-э... мы ведём репортаж с Воробьёвых гор, и позади меня... — Глеб оборачивается, словно проверяя, на месте ли ещё это «позади». Оно на месте. — Позади меня объект. Он... большой. Простите. Он очень большой.

За кадром оператор — человек явно более честный произносит нечто, что редактор заглушает пятисекундной паузой.

— Специалисты, — Глеб цепляется за голос в наушнике, как утопающий за круг, — просят сохранять спокойствие. Я сохраняю. Мы все тут сохраняем...

Вой на секунду перекрывает звук. Изображение дрожит. По щеке корреспондента катится слеза, которой он не замечает.

— У меня... что-то с глазами. Это не то, что вы подумали. Это оно так... звучит.

Включение оборвали на середине фразы. Официально — «технические неполадки». Все, кто смотрел, поняли иначе. С этой минуты никто уже не верил, что всё под контролем.

Дальше связная хроника заканчивается — потому что связной перестала быть сама реальность.

Высыпавшие на улицы задирали головы и не могли отвести взгляд. Кто-то снимал на телефон: в двадцать первом веке конец света положено сначала заснять, а осмыслим происходящее как-нибудь потом, если будет это «потом». Кто-то просто сел на асфальт там, где стоял. В Нью-Йорке мосты встали в обе стороны разом: каждый водитель в одну и ту же секунду решил, что безопаснее на том берегу, которого он ещё не достиг. В Лондоне очередь в метро держала достоинство ровно до первого крика — потом достоинство кончилось у всех сразу. Магазины брали приступом с обречённой деловитостью, будто упаковка консервов могла что-то решить в переговорах с кораблём размером с город.

Интернет же продолжал работать — то ли его не сочли угрозой, то ли не успели выключить. И человечество занялось тем, что умеет лучше всего перед лицом неизбежного.

Оно начало постить:

@nebo_online:

значит так. я вчера взял ипотеку на тридцать лет. хочу поговорить с их менеджером

@marina_k:

над городом висит гигантский жук, а мне пришла смс «избегайте открытых водоёмов». каких водоёмов, я вас умоляю

@drus_dedyuka:

это корабли Теней из «Вавилона-5». я говорил. я ВСЕМ говорил

@anna_desu:

специалисты просят не паниковать в восемьсот сорок седьмой раз. специалисты, а вы сами-то в окно смотрели

За шутками быстро проступало другое. Кто-то в прямом эфире молился. Кто-то — таких оказалось трогательно много — писал родителям: «мам, ты как, ты сегодня не выходи». Психологи потом назовут это коллективным отрицанием. Люди, которые через это прошли, назовут это просто «чёрным вторником».

Военные подняли по тревоге всё, что способно летать, — и за полчаса выяснили, что небо им больше не принадлежит. Там, где кто-то всё же попробовал ударить, ракеты не долетали считанные сотни метров. Не взрывались и не сбивались с курса — просто растворялись в небе и гасли. Как свет в комнате, из которой уходят спать. Корабли не отвечали. Они вообще ни на что не отвечали, и в этом было самое унижительное: в подземных командных пунктах офицеры штабов смотрели на неподвижные отметки и не отдавали приказов, потому что отдавать было нечего. Враг, который просто висит и ждёт, — это уже не военная задача. Это диагноз.

Когда стало ясно, что оружие бесполезно, в ход пошло последнее — слова. Главы государств, ещё накануне не способные обменяться парой фраз без трёх взаимных упрёков, теперь висели на защищённых линиях и говорили друг с другом на удивление вежливо: ничто так не сближает, как общая беда. Экстренное заседание Всемирного Совета Наций перенесли в бункер — и один этот перенос сказал о положении дел больше, чем все речи, которые на нём так и не прозвучали. Кто-то из аппарата, движимый то ли отвагой, то ли отчаянием, распорядился транслировать вверх приветствие на всех языках Земли — простое, почти детское «добро пожаловать» и «мы пришли с миром». Особенно трогательное и неуместное, если помнить, что пришли, вообще-то, не мы.

Пришельцы ответить не потрудились.

Вместо ответа они представились.

Едва последний корабль занял место над последним городом, они зажглись. Не огнём — изображением. Над Москвой, над Нью-Йорком, над каждой площадью и каждой безнадёжной пробкой одновременно вспыхнуло лицо. Размером с несколько футбольных полей, спроецированное прямо в утреннее, у кого — вечернее, небо.

Если это вообще можно было назвать лицом.

Тёмная чешуя, как у твари с того дна, куда не доходит свет. Массивные жвалы вместо рта. И глаза — фасеточные, без белков, без зрачков, без единого движения из тех, что человек за миллионы лет научился читать. В них не было ни злобы, ни торжества, ни даже любопытства. Только спокойствие. Ровное, бездонное спокойствие существа, которое никогда ни у кого не спрашивало разрешения — и не подозревало, что разрешение вообще бывает нужно.

Потом оно заговорило.

Голос шёл отовсюду — из динамиков и телефонов, из радиоприёмников и уличных экранов, — ровный, металлический, без намёка на интонацию. Он звучал на всех основных языках Земли разом. И страшнее самого лица было то, что пришельцы выучили эти языки заранее. Ещё до того, как показаться. Они готовились к разговору, пока мы спали и постукивали по мониторам.

ЗЕМЛЯНЕ. МЫ — КРИ-У. ЭТА ПЛАНЕТА ТЕПЕРЬ ПРИНАДЛЕЖИТ НАМ. СЛОЖИТЕ ОРУЖИЕ. ПРЕКРАТИТЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ. ПОКОРНЫЕ СОХРАНЯТ ЖИЗНИ И БУДУТ СЛУЖИТЬ. ЭТО НЕ ПЕРЕГОВОРЫ. ЭТО УВЕДОМЛЕНИЕ.

Сообщение повторили трижды — одинаково ровно, без нажима, без единой попытки быть убедительными. Так зачитывают уже принятое решение.

И эта ровность дошла до людей быстрее любого крика. Потому что кричат, когда чего-то хотят. А эти кри-у ничего не хотели.

Они уведомляли...

Глава 3

Солнечная система. Пять световых секунд от третьей планеты

Подпространство выпустило флот одним точным движением — так фокусник выкладывает на стол карту, которую весь вечер держал в рукаве.

Мгновение назад здесь не было ничего, кроме пустоты и слабого дыхания звёздного ветра. Теперь — висела две когорты 8-го легиона — километровые клинки тёмного серебра, вышедшие из прыжка уже в полном боевом порядке. Ни один не опоздал и не сбился с места в строю. Ни единого лишнего манёвра: построение стояло так, будто было здесь всегда и только ждало, когда вокруг него появится остальная вселенная.

Республику можно было упрекать во многом. В высокомерии. В привычке считать собственные законы законами природы. В том, что за десять тысяч лет она научилась не вмешиваться так же безупречно, как когда-то училась побеждать. Но в неумении появляться красиво её флот не упрекнул бы даже враг.

Командная рубка флагманского крейсера «Аквила-0002» была устроена как небольшой амфитеатр: ярусы боевых постов спускались к тактической сфере, парившей в центре перед панорамным стеклом, и в приглушённом свете лица офицеров подсвечивались снизу голубым, отчего все они, от седых ветеранов до вчерашних кадетов, казались ровесниками. Здесь стояла рабочая тишина. Не отсутствие звука, а его дисциплина: короткие доклады, мягкие щелчки клавиш, ровное дыхание вентиляции. Так тихо бывает в операционной. Или в засаде.

— Выход завершён. Строй полный, потерь на переходе нет.

— Реакторы в норме. Щиты в дежурном режиме.

— Дистанция до цели — три световые секунды.

Доклады падали в тишину один за другим, ровные, как капли из исправного крана. Лия Марцелл выслушала их, стоя у самой сферы, и кивнула.

— Оптику на максимум.

Главный экран моргнул. Далёкая голубая искра рванулась навстречу и развернулась в планету.

Лия знала её наизусть — так, как знают наизусть чужой голос, если слушать его три года подряд. Голубой шар с белыми разводами облаков, третий от звезды. Смешной, шумный, бестолковый эфир: футбол, реклама, ссоры в прямом эфире, прогнозы погоды, которые не сбывались, и песни. Три года он был для неё голосом в наушниках — тайком, по ночам, вместо сна. Теперь она впервые видела его своими глазами.

Сейчас он горел.

В нужные моменты время не умеет торопиться, и в этом его безжалостность. По ночной стороне планеты рассыпью тлели точки, которым полагалось быть городами. По дневной поднимались столбы дыма — с такого расстояния неподвижные и тонкие, как трещины на глазури старой чашки.

Она успела и опоздала. Оба слова были правдой одновременно. Буквально на несколько часов. Именно таким мелким, подлым запасом времени вселенная и любит распоряжаться по собственному усмотрению.

— Увеличение. Квадрат семь.

Оптика подтянула береговую линию. Там, где ещё утром был город — Лия слышала его радиоэфир, у этого города был очень громкий футбол и очень плохой кинематограф. Теперь на его месте тлели стеклянные воронки, и к небу от каждой тянулся столб пыли, медленный и чёрный, как надгробие в полнеба.

А над воронками шёл бой. Если это можно было назвать боем.

В небо поднимались земные машины — истребители, острые и медлительные, лучшее из того, что эта планета успела придумать за полтора века своей авиации. Наверное, по меркам своего мира они были быстры, как молнии. По меркам того, что висело над их городами, они не двигались вовсе. Разница была даже не в скорости — в самой природе вещей: волна может быть сколь угодно высокой, но скале до этого нет никакого дела.

Но, они всё равно шли.

Лия смотрела, как звено из четырёх машин выходит в атаку и отстреливает весь боезапас в тёмный борт. Ракеты не взрывались и не рикошетили — просто гасли, не долетев, будто кто-то одну за другой задувал спички. Три машины отвернули на второй заход.

Ведущий не отвернул. Он довернул нос и пошёл на таран.

Оптика «Аквилы» была безжалостно хороша. В последний миг на экране блеснул оранжевым фонарь кабины — крошечный тёплый блик на фоне чёрного панциря, размером ровно с одну человеческую жизнь.

Вспышка. Всё.

Пилот не мог не понимать, что для этого корабля его таран — меньше, чем укусы комара для быка. Он понимал и всё равно шёл. И следующее звено уже поднималось следом, и ещё одно за ним, и с орбитальной высоты это было похоже на то, как муравейник поднимается против сапога.

— Варвары — выдохнул за спиной кто-то из молодых офицеров.

В этом слове не было презрения. Только констатация той особой разновидности, которая почти неотличима от восхищения.

— Противник, — доложил пост тактики, и голос дежурного офицера был старательно ровен. — Шестьдесят выпелов на низких орбитах и в атмосфере. Принадлежность — боевые корабли расы кри-у.

Тактический вычислитель, услужливый, как все вычислители, развернул рядом с метками сравнительную таблицу: длина, тоннаж, огневая мощь, расчётное соотношение сил. Цифры в последней графе выглядели как опечатка. Хотелось вызвать техника, чтобы починил.

По ярусам рубки прошло короткое, почти неслышное движение — не звук даже, а его тень: три десятка альтарийцев одновременно посмотрели на одну и ту же цифру и одновременно сделали вид, что ничего не происходит.

— Уберите таблицу, — приказала Лия, не повышая голоса. — Мы не взвешиваться прилетели.

Таблица исчезла. Дышать в рубке стало заметно легче, хотя состав воздуха, разумеется, не изменился ни на долю процента.

Она укрупнила одну из меток. Корабль кри-у не был построен — он был выращен. Ни швов, ни сопел, ни надстроек: сплошной чёрно-коричневый панцирь с отливом, живой на вид, как спина зверя, всплывшего из такой бездны, где давно не осталось никого, кто задавал бы вопросы. Республиканский крейсер рядом с ним — воплощение изящества, — выглядел щепкой.

— Трибун, — связист обернулся от пульта, и по его лицу было видно, что он предпочёл бы доложить о чём-нибудь другом. О пожаре на борту, например. — Нас вызывают. Они.

— Выведите на экран.

Экран связи налился мутной глубиной, как вода в проруби, и из этой глубины проступило лицо. Тёмная чешуя. Жвалы, сложенные с аккуратностью хирургических инструментов. И фасеточные глаза — большие, спокойные, в которых нельзя было прочитать ни возраста, ни намерения.

— Я Кхарр, — произнёс голос, ровный и гладкий, как лист металла. — Я командую жатвой. Назови себя.

— Лия Марцелл. Трибун Восьмого легиона Республики Альтария.

Пауза. Она длилась ровно столько, сколько нужно, чтобы пересчитать тысячу кораблей, и ни мгновением дольше.

— Республика не воюет за третий разряд. Таков ваш закон. Мы чтим ваши законы. Мы изучили их раньше, чем вы узнали о нашем существовании.

— Похвально, — хмыкнула Лия. — Тогда сегодня у вас появилась возможность изучить исключения.

— Исключений нет. — Ни одна чешуйка не дрогнула. — Твои корабли находятся здесь без разрешения Сената Республики. А твой флагман без знамени командующего легионом. Ты здесь одна, альтарийка.

Норбан, стоявший в нескольких метрах за спиной Лии, медленно повёл плечами — как гора, которая решает, стоит ли просыпаться. Лия не обернулась.

— Одна? — Она обвела взглядом тактическую сферу, где ровным, терпеливым строем горела тысяча меток её крейсеров. — Хорошо ли ты умеешь считать, генерал?

— Уйди. Это жатва. Жатва — не война. Мы не тронем уходящих.

— Уже война, — грозно посмотрела на него Лия. — С той секунды, как мы вышли из прыжка. Если не отступитесь.

Снова пауза. Ей показалось, что где-то в глубине фасеточных глаз что-то переменялось. Впрочем, с тем же успехом это мог быть блик её собственного экрана.

— Ради этого? — Кхарр не сделал жеста, но было понятно, о чём он: о горящей внизу планете и муравьях, пытающихся бороться против сапога.

— Ради тех, кто идёт на таран, зная, что не оставит на твоём панцире и царапины, — ответила Лия. — У нас было слово для таких. Старое, ещё с тех времён, когда мы сами были расой третьего разряда. Мы его почти забыли, пока строили себя великими. — Она позволила себе половину улыбки. — Спасибо, что напомнил.

Экран погас — сразу, без перехода. Кри-у не прощаются: прощение предполагает, что собеседник существует.

В рубке было очень тихо. Потом дежурный офицер тактического поста осторожно выдохнул — и по этому выдоху Лия поняла, что последние полминуты не дышала не только она.

Трибун повернулась к тактическим столам. Огромный и неподвижный центурион Норбан сейчас смотрел не на неё, а на шестьдесят чёрных меток так, как смотрят на тяжёлую работу: без радости, страха и малейшего намерения от неё отказываться.

— Какие у нас шансы, центурион?

— Отвратительные, — пробасил Норбан с глубоким удовлетворением альтарийца, которого наконец-то перестали обманывать. — Худшие из всех, что я видел. — Он помолчал, что-то прикидывая. — Значит, эту схватку будут помнить.

— Логика хромает, центурион.

— Логика? — Норбан нахмурил брови, вспоминая, что означает это слово. Затем, продолжил:

— Помнят те, кто выжил. — великан впервые оторвал взгляд от сферы и посмотрел на неё. — Вот и позаботимся, чтобы было кому.

Лия молча кивнула, улыбнувшись старому ветерану, который своими словами поддержал её решение, и села в командирское кресло. Пристегнула замки — не спеша, по одному, как делала всегда перед прыжком или боем: этот маленький ритуал принадлежал только ей, и никакой устав ему был не указ. Рубка ждала. Ждали две когорты кораблей. Где-то там, внизу, под облаками и дымами, была радиостанция, которая три года пела ей про лето, которое никогда не кончится. Как только её флот вышел из подпространства, она нашла её частоту первой — раньше сводок и данных разведки.

На частоте стояла тишина.

Это было неправильно. Это следовало исправить — и во всей галактике не существовало никого, кроме неё, кто собирался бы этим заняться.

— Всем кораблям, — приказала Юлия Марцелл, и связь разнесла её голос по тысяче рубок. — Мы пришли нарушить Тишину.

И через удар сердца:

— В атаку!

Глава 4

Москва

Во вторник, седьмого июля человечество узнало, что больше не хозяин на собственной планете.

Лёха Кривчиков этого до сих пор не знал, в том числе и потому что с половины шестого утра сидел в подвале хлебокомбината 3 и травил тараканов.

Подвал был глубокий, довоенной постройки — «довоенной» в том смысле, что пережил бы, пожалуй, любую войну. Связь там не ловила — стены в метр толщиной относились к радиоволнам примерно так же, как Петрович к новостям. Не пропускали из принципа.

У самого Петровича — верного напарника Лёхи телефон был кнопочный и выключенный: Петрович считал, что человек с включённым телефоном себе не принадлежит, а он, Петрович, шестьдесят один год принадлежал себе и менять эту привычку не собирался. Лёхин же смартфон честно разрядился к шести утра — он всегда умудрялся разряжаться в самый нужный момент, такая уж это была модель.

Так двое лучших дезинсекторов юго-востока Москвы оказались, возможно, последними людьми на Земле, не знавшими о начале вторжения.

Работа между тем шла своим чередом. Тараканы на хлебокомбинате были старой, окопавшейся популяцией — наглые, рыжие, считавшие себя, и не без оснований, совладельцами производства.

— Ишь, разбегаются, — буркнул Петрович, подсвечивая фонарём за трубу. — Чуют.

— Они всегда чуют, — отозвался, заикаясь Лёха. — За м-миллион лет научишься.

К восьмому часу закончили. Выбрались наверх, на свет, сложили в фургон баллоны и распылители и сразу же поехали на следующий объект.

Фургон был белый, в прошлой жизни — медицинская буханка, о чём до сих пор напоминали заглушенные отверстия от мигалки на крыше. На борту красовался весёлый зелёный таракан, лежащий кверху лапками, а над ним шла надпись: «СтопВредитель». Таракан при этом улыбался.

Радио в фургоне не работало: Петрович не включал из тех же соображений, что и с телефоном. Лёхе же вообще дела не было до того, что там говорят в эфире. Вместо радио в магнитоле жила флешка, а на флешке — песни времён молодости Петровича. Играла та самая, которую знают все, — про лето, которое никогда не кончалось. Песне было лет пятьдесят, и она пережила всех, кто предсказывал ей забвение, — совсем как Лёхины подопечные.

Июльское утреннее солнце лежало на пустой улице ровно и щедро, как масло на бутерброде.

Именно что — на пустой.

— А, н-народу-то нет, — заметил Лёха, глядя в окно и как всегда беззаботно улыбаясь. — Вообще ник-кого.

— Спят, наверное, — предположил Петрович, объезжая брошенную посреди полосы легковушку с распахнутой настежь дверцей.

— Аг-га, — согласился Лёха.

Оба сочли тему закрытой. У людей их профессии вырабатывается стойкий иммунитет к странностям: кто двадцать лет лазил по чужим подвалам, того пустой улицей не удивишь.

— Хор-рош-шо на ул-лице, — улыбнулся Лёха, щурясь от солнца.

Петрович посмотрел на своего напарника и тяжело вздохнул. Говорил Лёха вообще мало и не спеша, зато почти всегда улыбался. После ранения и госпиталя слова стали спотыкаться о что-то маленькое и железное, что так и осталось у парня в голове. Лёха как-то показывал снимок, где оно выглядело безобидной серой крошкой, разводил руками и произносил какие-

то длинные латинские слова. Ему такие теперь давались плохо. В общем, серьёзное было ранение. Настолько серьёзное, что через полгода жена собрала сына и переехала к тому, у кого с произношением всё было хорошо...

— Эх, паря, — покачал головой Петрович, запрещая себе продолжать думать о судьбе Лёхи, чтобы самому не расстраиваться.

На перекрёстке, под светофором, мигавшим жёлтым сразу на все четыре стороны — что тоже было странно, но тоже не обсуждалось, — Лёха полез в бардачок за сигаретами. Под руку попала коробка — маленькая, твёрдая, обтянутая бордовым бархатом. Он подвинул её в угол, не глядя, — движением давним и отработанным, как переключение передачи, — взял пачку и захлопнул бардачок. Коробочку он не открывал два года. Знал, что внутри. Выбросить — не выбрасывал.

— Вот объясни мне, — хмыкнул Петрович, которому молчать было скучно. — Мы их травим-травим уже лет двадцать пять. Химия год от года всё лучше. А их, проклятых, меньше не становится. Почему? Нет, я не то, что бы жалуясь... Всё-таки постоянный доход, но...

— Пот-тому что им в-всё равно, — кивнул Лёха, прикуривая. — Т-т-тара-ккану надо, чтоб тепло, темно и крошки. На б-б-большее не прет-тендует.

— Философ ты, Лёха, — с уважением кивнул Петрович. — Тебе бы книги писать.

Лёха подумал над этим и решил, что Петрович, пожалуй, прав, но признавать это вслух необязательно. К тому же песня как раз дошла до припева, а перекрикивать припев считалось дурным тоном.

До столовой 7 оставалось метров четырёхста. Она уже была видна в конце улицы — приземистое здание из силикатного кирпича, обещавшее комплексный обед, тараканов в товарном количестве и наряд-заказ с синей печатью на приличную сумму. Петрович включил поворотник. Поворотник защёлкал спокойно и по-домашнему, как ходики на стене.

Внезапно небо над улицей налилось багровым — коротко, на один вдох, будто где-то наверху открыли и тут же захлопнули дверцу мартеновской печи. Потом сверху, из-за крыш, упал луч.

Он был толщиной с башенный кран, идеально прямой и в первую секунду совершенно беззвучный. Там, где располагалась столовая, встал столб слепящего, белого с багровой сердцевиной света.

Звук пришёл через полтора удара сердца. Он был не столько громким, сколько сплошным: как будто над самым ухом разом захлопнули все двери на свете.

Ударная волна, растеряв на четырёхстах метрах большую часть злости, всё же добежала до фургона. Она подбросила его на рессорах, хлопнула по лобовому стеклу, отчего по тому разбежалась сетка мелких трещин, и толкнула машину к обочине. Петрович, не размышляя, ударил по тормозам: руки у него были старой школы и в разрешениях головы не нуждались.

А Лёха, так же не размышляя, машинально выбросил руку назад и в сторону, ладонью поперёк пустого сиденья рядом. Придержаться. Жест не спрашивал разрешения: он остался из другой машины и другой жизни, где сзади стояло детское кресло, в котором брыкала ножками маленькая девочка.

Фургон замер. Лёха убрал руку не сразу.

Там, где только что находилась столовая 7, не было больше ничего. Ни руин, ни пожара — ничего: оплавленная стеклянная воронка, ровная, почти аккуратная, да столб пыли, медленно и беззвучно поднимающийся в июльское небо. У воронки был странно хозяйственный вид — как будто здание не уничтожили, а изъяли за ненадобностью.

Петрович заглушил мотор. Песня оборвалась на полуслове — на самом обещании, что оно не кончится, и в наступившей тишине стало слышно всё разом: сигнализации сотен машин по всей округе, лай собак со стороны промзоны, звон осыпающихся где-то стёкол. И ещё один

звук, самый тихий и самый неправильный: высокий, тонкий вой откуда-то сверху, из-за крыш, на самой границе слышимости.

Они некоторое время сидели молча. По меркам этого дня — очень долго, секунд десять.

— Лёха, — выдохнул, наконец Петрович чужим, севшим голосом. — Это чего сейчас было?

Лёха посмотрел на воронку. Потом на небо: там, высоко над крышами, в июльской дымке, угадывалось что-то тёмное, длинное и огромное, чему он пока не знал названия. Потом снова на воронку, в которой остались комплексные обеды, наряд-заказ с синей печатью и несколько тысяч тараканов, так и не доживших до санобработки.

Вспомнив, как они с Петровичем готовили баллоны и рассчитывали смесь под площадь. Как Петрович с вечера звонил заведующей насчёт ключей от подсобки.

— А мы ведь так с-старались, — улыбнулся он, пожав плечами. — Теперь тараканам и жить-то негде.

Глава 5

Приказ ушёл по флоту прежде, чем успело погаснуть эхо предыдущего.

— Девятая и десятая когорты — в единое построение. Ярусами, борт к борту. Щиты свести в общий контур.

Тысяча крейсеров пришла в движение одновременно, и с панорамного стекла «Аквилы» это выглядело так, будто невидимая ладонь сгребает рассыпанные по чёрному бархату иглы в один слиток. Клинки тёмного серебра вставали ряд над рядом, подравнивались, замирали, и на месте двух когорт вырастала сплошная, вытянутая, обращённая к противнику стена. Через несколько секунд по стене прошла рябь: генераторы щитов нашли друг друга, отдельные поля крейсеров слились в одно, и весь строй на мгновение подёрнулся плёнкой бледного сияния, как клинок, только что вынутый из масла. С этого мгновения весь флот делил одну броню на всех, и даже вчерашние кадеты на нижних ярусах рубки распрямили спины, будто общее поле накрыло и их тоже.

— Контур замкнут. Общее поле — сто процентов мощности, — доложил оператор.

— Построение завершено, интервалы штатные, — откликнулся второй.

Третьего доклада не последовало. Флот ждал его молча — то единственное слово, после которого стена перестала бы быть строем и стала оружием. Трибун не спешила его произносить.

Лия замерла у тактической сферы и смотрела, как внутри неё гаснут отдельные метки и вместо них разгорается одна. Со стороны это могло показаться потерей: было множество — осталась одна отметка. На деле всё обстояло ровно наоборот. Одна отметка означала, что флот теперь дышит в один такт.

— Малый ход, — приказала Лия. — Курс — на орбитальную группу противника. Орудиям — полная готовность. Огня без команды не открывать.

— Без команды?.. — начал дежурный офицер тактического поста и осёкся под её взглядом.

— Мы уже сказали им всё, что хотели. — Лия не отрывала глаз от сферы. — Теперь пусть считают. Либо они принимают бой на наших условиях, либо убираются. Мы пока лишь помогаем им думать быстрее.

Норбан издал звук, который у него означал одобрение, — нечто среднее между хмыканьем и сдвигом тектонических плит. Переводить его в слова никто бы не взялся, да и нужды не было.

Стена крейсеров сдвинулась с места. В её движении не было ни рывка, ни азарта — только ровное, ледниковое нарастание неизбежности.

Дистанция таяла неторопливо: числа на кромке сферы сменяли друг друга, а картина за панорамным стеклом не менялась вовсе. Рубка пережидала эту паузу так, как умеют только военные — молча и не глядя друг на друга. Лия использовала паузу до последней секунды: ещё раз сверила распределение секторов и прогнала в голове порядок отхода — на случай, который надеялась не увидеть.

Кри-у думали недолго. Они никогда не тратили на это время.

— Движение у противника! — Голос оператора наблюдения дрогнул на первом слове и выровнялся ко второму. — Тридцать вымпелов орбитальной группы меняют позицию, идут наперерез нашему строю. Остальные тридцать — без изменений. Остаются в атмосфере.

— Половина, — пробасил Норбан за её плечом. — Он делит клан.

— Не хотят уходить. — Лия чуть повернула голову. — При этом, в глазах генерала Кхарра мы явно незначительное препятствие. Тридцати дредноутов, по его подсчётам, должно хватить, чтобы нас остановить.

Оптика подтянула головной корабль кри-у. Чёрно-коричневая туша шла, слегка завалившись на борт, и по всему её панцирю один за другим разворачивались суставчатые отростки — те самые, что прежде были поджаты под брюхо. Теперь они раскрывались навстречу альтарийскому строю, и на конце каждого набухала золотая точка.

«Значит, торговаться не будем», — подумала Лия. Втайне она допускала, что Кхарр предпочтёт отойти: жатва — не война, расход должен окупаться. Теперь это допущение можно было сдать в архив.

— Энергетический всплеск по всей линии противника!

— Вижу. — Лия коснулась сенсора общего канала, и её голос ушёл на все корабли разом. — Всем экипажам. Держать строй. Поле примет на себя удар.

Кри-у выстрелили первыми.

Залп сорвался с тридцати кораблей одновременно — сотни золотых сгустков, ярких и ленивых на вид, как капли расплавленного металла, стряхнутые с гигантской кисти. Дистанция скрадывала их скорость: казалось, они не летят, а нехотя плывут сквозь черноту. В этой медлительности чудилось что-то издевательское. Потом передний край золотого роя коснулся общего поля.

Панораму залило светом. Беззвучные вспышки распускались по невидимому куполу одна за другой, сливались, стекали по нему огненными потёками, и на несколько ударов сердца стена крейсеров превратилась в стену пожара. В рубке стало светлее. По лицам операторов заплясали жёлтые отсветы, и кто-то на верхнем ярусе — совсем молодой, судя по голосу, шёпотом выругался от восхищения.

Лия стояла неподвижно и считала удары собственного сердца. Один. Два. Поле держало, и по краю сознания прошла короткая, почти постыдная мысль: красиво. Война на таких дистанциях вообще неприлично красива — пока не вспомнишь, чем оплачивается каждый её мазок.

— Доклад, — потребовал Норбан таким тоном, каким спрашивают о царапине на броне.

— Общее поле — Оператор, отвечающий за энергозащиту, на секунду завис над цифрами, словно им не веря. — Минус четыре процента. Восстановление уже идёт. Прогноз — полная мощность через полминуты.

— Потери? — на всякий случай уточнил Норбан.

— Потерь нет, центурион. Ни единой.

По ярусам рубки прокатился общий выдох. Весь этот шторм, вся эта золотая ярость, которая внизу вскрывала города аборигенов, выжгла поля всего на четыре процента. И те возвращались.

— Хорошо. — Удовлетворённо кивнул Лия Марцелл, улыбнувшись тому, что в уме она угадала даже цифру процентов. — Ответный огонь. Всем бортам — беглый, по готовности. Цели распределить по секторам, головному дредноуту кри-у — двойное внимание.

Вот теперь настала очередь альтарийцев.

Палубные орудия линейных крейсеров ударили очередями. Тысячи трасс плазменных зарядов протянулись от строя к кораблям противника: частые, слепяще-белые, они вспарывали пустоту космоса, скрещивались и ложились в цели с размеренностью швейной строчки. Рядом с ленивым золотом чужого огня это выглядело как работа мастера рядом с замахом громилы. Вокруг каждой чёрной туши проступила и налилась светом её собственная оболочка — индивидуальная защита, принимавшая трассу за трассой.

— Орудия работают ровно, перегрева нет. Обе когорты бьют как одна батарея, — доложили с поста вооружения.

— Технологии общего поля у противника нет! — В голосе оператора-тактика впервые за сутки прорезалось что-то похожее на азарт. — Каждый вымпел держит собственный контур. Фиксируем просадку: у головного минус девять минус одиннадцать! Их поля истончаются гораздо быстрее нашего!

— Насколько быстрее?

— Втрое, трибун. Самое малое.

— Держать темп огня, — сказала Лия. — Первый же их выпел, который останется без поля, покажет остальным, чем кончается несанкционированная жатва.

Лия позволила себе короткий вдох, отдалённо похожий на улыбку. Арифметика — та самая, простая и беспощадная, впервые за этот день согласилась поработать на неё.

Радости богиня Фортуна отмерила ровно один доклад.

— Трибун — Голос оператора наблюдения стал другим. Глуше. — Вторая половина клана. Те оставшиеся в атмосфере. Они не прекращали огня продолжают работать по поверхности. Разрушения в мегаполисах нарастают.

Оптика развернула нижнюю полусферу. Под облачным одеялом, в том числе и по всей ночной стороне, вспыхивало — коротко, точно и беззвучно. С орбиты эти вспышки казались безобидными, как далёкие зарницы. Каждая из них была кварталом. Лия поймала себя на том, что считает их, и запретила себе считать.

Где-то там, под этими зарницами, были улицы, по которым она никогда не ходила, и голоса, которые она знала лучше собственных офицеров. Сфера переводила всё это в проценты разрушений. Проценты были удобнее. Проценты не пели.

— Он связал нас дуэлью. — Норбан смотрел туда же. — Кхарру удобно, чтобы мы стояли стеной и смотрели. Стена не спасает города, трибун.

— Значит, стеной мы больше не стоим. — Лия отвернулась от панорамы к сфере, и голос её сделался размеренным, командным. — Девятая когорта остаётся в общем строю и продолжает дуэль. Десятая — выходит из построения. Деление на полуцентурии, по пятьдесят крейсеров. Каждая полуцентурия берёт один корабль противника из тех, что висят над городами. Атака из космоса, строго сверху.

В рубке стало тихо — той особой тишиной, при которой все продолжают работать и никто не дышит.

— Разрешите возразить, трибун. — Норбан шагнул к сфере и понизил голос: не для секретности — просто такие вещи не говорят на всю рубку. — Первое. Разделение сильно ослабляет наше главное построение: девятая когорта в одиночку будет терять поле заметно быстрее, чем мы теряем сейчас. Второе. Полуцентурия против корабля кри-у — так не воюют, трибун. Пятьдесят крейсеров дают слабый общий контур; на такую цель по уставу выводят когорту, не меньше. Их поля не выдержат плотного ответа. И третье — Он выдержал паузу, тяжёлую, как его шаги. — Если кри-у применяют главный калибр, полуцентурии погибнут. Все десять.

Цифры Норбан всегда взвешивал заранее. Оттого это и прозвучала так тяжело.

— А если мы останемся на прежних координатах, погибнет планета. — Лия сказала это без нажима, как называют время по часам. — Та самая, ради которой мы нарушили закон, центурион. Другого выхода у нас нет. Но ваши сомнения я сейчас развею.

Норбан молчал и ждал. Молчание у него имело оттенки; этот означал: слушаю.

Она развернула в сфере одну из атмосферных меток, и проекция послушно выросла: чёрный корабль, зависший над городом, и отростки, до единого направленные вниз, к поверхности.

— Смотрите. Их корабли висят брюхом к планете. Главный калибр находится там же, под брюхом. Чтобы дотянуться до нас, дредноутам придётся разворачиваться — всей двадца

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.